

— Помылся, сынок? А я у тебя тут немного убралась. Ты же сам сказал, что теперь это и мой дом. И я хочу стать в нём хозяйкой. — бомжиха встретила меня на кухне с веником в руке.

В бане мне пришлось задержаться. Я смыл с себя пот. Намылил тело душистым мылом и помыл голову шампунем. Но угли в печи ещё горели, и я решил немного подождать, когда они прогорят, и закрыть поддувало. Оставлять горящую печь было опасно.

Не хватало мне ещё спалить баню — единственное помещение, где можно было качественно помыться. Тем более, что я собрался здесь жить. В тазу на кухне особо не помоешься. А в бане можно было не только мыться. Но и попариться с березовыми вениками. Плеснул воды из ковшика на печь. И вот тебе пар.

Вместе с помывкой у меня ушло, наверное, с полчаса. И когда я зашёл на кухню, то удивился произошедшим там изменениям как с самим помещением, так и с бездомной женщиной.

Пока меня не было, Галина Николаевна не только начисто подмела пол, но и перемыла всю грязную посуду, которая скопилась у меня в раковине. В доме был водопровод. Только уборная на улице.

Газеты с закуской на столе не наблюдалось. Вся еда аккуратно была разложена в тарелках. А в комнате распространялся запах мяса. На газовой плите в кастрюле что-то ароматно булькало.

И главное, сама бомжиха изменилась и в лучшую сторону. Пока я был в бане, она успела не только убраться на кухне. Но и накраситься, воспользовавшись косметичкой, которую я ей положил в пакет.

Галина Николаевна накрасила помадой губы и подвела тенями глаза, а так же покрыла ярким лаком ногти на пальцах. Вместо едкого пота женщина благоухала духами, а свои растрепанные волосы на голове собрала в шиньон, очевидно, найдя в косметичке заколки для волос. И сейчас выглядела не бомжихой, которую я утром встретил на стадионе, а вполне respectable зрелой дамой.

Кофту тетя Галя с себя сняла, так как в доме было теплее, чем на улице, и сейчас стояла передо мной в красивой блузке с цветами и в черной юбке с разрезом с боку. Под блузкой у женщины выпирали приличного вида сисяры и просвечивались очертания черного бюстгальтера. В котором эти сиськи томились.

Моя мать обожала чёрное нижнее бельё. И я положил в пакет как и черные трусы с лифчиком, так и белые.

— Вас и не узнать, тётя? А насчет хозяйки. Так я же вам сказал. Этот дом и ваш тоже. Со временем мы сделаем вам паспорт. И я пропишу вас у себя в доме. А сейчас пойдёмте, я покажу вам комнату. — я сделал комплимент бомжихе, которая после бани и переодевания в одежду моей матери стала очень красивой женщиной.

И главное, у нее было за что подержаться как спереди, так и сзади. Чего я не любил, так это костлявых и худощавых представительниц прекрасного пола. Но и откровенных толстух тоже не приветствовал. Мне нравилось такие зрелые самки, как моя мать Света и моя новая знакомая Галя. Рослые, в меру упитанные, с крупной грудью и объемными жопами.

— Вот за печкой моя кровать. А возле окна ваша тетя Галя. Тут и гардероб. Можете положить

в него оставшиеся вещи из пакета. И поискать себе что — то из одежды на первое время. Куртку, пальто, халаты. — сказал я женщине, назвать которую бомжихой язык не поворачивался.

Тётя Галя стала очень красивой. Даже красивее моей матери Светы, на которую она была похожа.

Я открыл дверь в зал, и мы прошли с ней внутрь. Как таковых комнат в зале не было. Одну сторону комнаты у стены занимала печь лежанка, за которой, разделенными между собой деревянной перегородкой, стояли две кровати. Одна узкая, железная, её я выбрал себе. И возле окна деревянная двуспальная. Эту кровать я отдал тётё Гале, так как на ней лежала перина.

По другую сторону в зале стоял стол, несколько стульев. Диван у стены и телевизор — старенький черно-белый » Рекорд» накрытый сверху белым тюлем. Вот и вся обстановка в комнате. Бабка жила небогато и ничего лишнего в дом не покупала.

— Да тут вещей, сынок. Мне носить — не переносить. И всё новое. Твоя бабушка запасливой была. И главное, мне по размеру её одежда подходит! — воскликнула Галина Николаевна, стоя у раскрытой двери шкафа, перебирая лежащие стопками на полках ночные рубашки, блузки и юбки.

Вся одежда была новой, с этикетками. Бабка покупала, а носить не носила. В деревнях зачастую ходили в одном и том же. А новую одежду берегли на праздник. И вот сейчас эта бабкина бережливость пригодилась. У бывшей бездомной москвички не было одежды.

И она могла носить, не брезгуя, вещи моей покойной бабки.

Дверь в шкафу была открыта. А в двери вставлено зеркало, чтобы, когда одеваешься, в него смотреться. И я, стоя позади тётё Гали, впечатленный видом её жопы под юбкой и близости с женщиной, заведомо зная, что нахожусь с ней один на один в доме на краю малолюдной деревни. И сюда к нам никто не придёт. Подошёл к ней вплотную и, обняв, прижимаясь вставшим колом членом в штанах к её жопе под туго обтянутой юбкой. Взялся двумя руками за её сиськи и стал их мять, смотря в зеркало. И видел в нём отражение своей матери Светы, которую я лапал за груди. И от этого я чуть не кончил. До того это было приятно.

— У меня на плите кастрюля с макаронами по флотски стоит. Боюсь, прогорят. И мы с тобой без ужина останемся. Костя. Пусти меня, пожалуйста. А я отблагодарю тебя, сынок. Тебе понравится со мной. У меня тело ещё не старое. И мужчинам я нравилась. — тётя Галя мягко отстранилась от меня, и глаза взрослой женщины блестели от желания.

Она сама хотела лечь в постель с парнем, который годился ей в сыновья, и как следует поблагодарить его за предоставленный кров. Но у нас впереди был целый вечер и ночь. А мы могли остаться без ужина, если макароны на газу подгорят.

— Вы на мою маму похожи, тётя. Очень сильно. Но только она у меня блондинка. И моложе вас. — сказал я женщине, с сожалением выпуская из рук её крупные и не сильно отвислые сиськи, которые с наслаждением мял. А она не сопротивлялась.

Галина Николаевна стояла спокойно, позволяя молодому парню, которого она называла сынком, упираться ей в жопу членом и лапать её за груди. Она даже сорочку из рук выпустила, которую рассматривала.

— А у тебя есть её фотография, Костя. Интересно, чем я на твою мать похожа. — спросила у меня моя зрелая знакомая, которая после бани и переодевания превратилась из гадкого утёнка в настоящего лебедя.

Тётя Галя вышла из зала и устремилась к газовой плите на кухне. Она выключила газ и открыла крышку в кастрюле, в которой варились макароны по флотски. И, судя по довольному выражению лица женщины, они не подгорели.

— Нет, Галина Николаевна. Здесь её фото нет. Я в понедельник дома возьму и привезу. — ответил я женщине и, не сводя взгляда с её жопы, выпирающей под юбкой, вновь подошёл к ней сзади и, обняв, стал лапать за груди, но на этот раз получил от неё жёсткий облом.

— Я же тебе сказала, Костя. Что отблагодарю. Зачем спешить. Давай сначала поужинаем. Женщину, чтобы она была ласковой. Накормить и напоить нужно. — Галина Николаевна не дала себя толком обнять и было оттолкнула меня, но, поставив кастрюлю с макаронами на стол, вернулась ко мне и, обняв, поцеловала в губы.

У меня от поцелуя с бывшей бездомной, а теперь ставшей красивой зрелой дамой, удивительным образом похожей на мою мать, закружилась голова, а член встал колом. Я был жутко стеснительным и не общался с девчонками, и о поцелуе с ним мог только мечтать. А тут меня целует в губы, причём в засос зрелая женщина. И ее я вскоре буду ебать. И этот факт придавал дополнительные ощущения от поцелуя с ней.

— В таком случае и вы меня подождите, тётя Галя. Уже темнеет, а мне нужно печь в зале затопить. Ночи сейчас холодные. И мы с вами замерзнем. Да и поужинать лучше в зале. Можете туда на стол всё носить. — сказал я женщине после поцелуя с ней.

Мне действительно нужно было протопить лежанку в зале. Для комфортного секса. В холоде нормально не поебешься. Только под одеялом. А мне хотелось заниматься с тётей Галей при свете и видеть её тело. Голых женщин я рассматривал только на картинках. А в живую никогда не видел.

— Хорошо, Костя. Но я, пожалуй, с тобой на улицу выйду. В туалет. Пока светло. — Галина Николаевна подошла к двери и надела на ноги стоящие там калоши — самая удобная обувь в селе.

— В уборную можно и ночью ходить, тётя Галя. Там электричество проведено. А выключатель на террасе находится. — сказал я женщине, показывая ей, где нужно включать свет в уборной.

Раньше бабка ходила в туалет в темноте. А то и вовсе в ведро на террасе. Но я провёл проводку из дома в уборную, установил выключатель на террасе, а в туалете повесил лампочку. И теперь можно было сидеть на толчке в любое время суток.

Пока моя новая знакомая ходила в туалет, я набрал поленьев в дровнике и затопил печь в зале.

Сухие березовые дрова весело затрещали в топке, распространяя по дому приятный запах березового дыма. Из всех деревьев, которые росли в лесу, больше всего я любил березы. Из них дрова получались хорошие. И колосась береза хорошо. Особенно зимой по морозу.

— Костя. Помогай на стол накрывать. А то у меня в руках все не уместается. — раздался голос тёти Гали у меня за спиной.

Я слышал, как хлопнула входная дверь. И полилась вода из крана на кухне. Бывшая москвичка оказалась чисто плотной женщиной и после туалета мыла руки. Что мне в ней жутко понравилось.

— Сейчас. Я дверь на террасе закрою. Чтобы к нам никто не пришёл на огонёк. — ответил я женщине и пошел закрывать дверь. В доме со стоящим колом членом.

Я был в предвкушении порева с ней. А так же необходимо было обезопасить себя. Место глухое. Рядом лес. И ночью двери в доме лучше держать на замке.

— Обожаю, когда дрова горят в печи. И пахнет дымом. Я городская. Всю жизнь прожила в Москве. Но вот почему-то нравится мне это. Не знаю. Словно в детстве видела. — сказала мне тётя Галя, когда мы уселись с ней за стол в зале.

Я включил телевизор. В комнате ярко горел свет и топилась печь, лежанка, в которой весело потрескивали дрова. Все это создавало атмосферу уюта и способствовало общению. Если раньше с девушками я стеснялся разговаривать. То с женщиной, старше по возрасту моей матери. Я общался свободно. И Галина Николаевна располагала к общению. С ней мне было легко и просто.

— Никогда таких вкусных макарон не ела. Да я вообще последнее время обходилась без горячего. Денег у меня не было. И вход в столовую для меня был закрыт. — печальным голосом произнесла тётя Галя, после того, как мы с ней выпили ещё по рюмке водки и съели по тарелке горячих макарон с тушёной.

— Это в прошлом, Галина Николаевна. Теперь у вас есть дом. И вы будете есть горячее, сколько захотите. — успокоил я женщину, из прекрасных глаз которой капали слезинки.

Я достал сигарету из пачки и было хотел закурить. Как тётя Галя меня остановила.

— Давай не будем в зале курить, Костя. Ведь это наша спальня. Я, когда жила в Москве. Никогда у себя в спальне не курила. Пошли на кухне покурим. — предложила мне моя зрелая знакомая, и я с ней согласился.

Не очень хорошо для здоровья, когда всю ночь во сне дышать табачным дымом. Ведь в квартире у нас в городе никто не курил. Даже отец, когда был жив, выходил дымить на лестницу в подъезд. Его мать гоняла.

— А зимой и эту печь топят. Я раньше читала, что на ней можно спать. Интересно. А как на неё лазить? — спросила у меня Галина Николаевна, встав со стула, подходя к русской печи, которая занимала, наверное, пол кухни.

После выпитой водки и вкусной еды мы с ней сидели на кухне и с удовольствием курили сигареты. Ну а я ещё вдобавок рассматривал ляжки у зрелой женщины, обтянутые чёрным капроном. Тётя Галя надела на себя не только одежду моей матери. Но и её капроновые чулки, которые я положил в пакет вместе с одеждой.

— Очень просто. И на ней очень удобно спать. Кирпичи наверху нагреваются и держат тепло три дня после протопки. А залезают на нее вот здесь. — я встал со стула вслед за своей гостьей и, затушив окурок в пепельнице, подошёл к ней, отодвинув в сторону занавеску, которая скрывала закуток, расположенный сбоку печи.

Раньше там держали телёнка, когда у бабки была корова. Его забирали из сарая, если корова отелилась зимой. Потом коровы не стало, и закуток за печкой стали использовать как ванную. Там стояло большое оцинкованное корыто, в котором мылись. Сейчас корыто висело на стене за ненадобностью. Я в нем не мылся. Для мытья мне хватало пруда и бани, если приспичит.

— Вот видите, лестница. По ней наверх поднимаешься и ложишься сверху на печь. — сказал я женщине, показывая ей на небольшую лесенку в три ступени, стоящую сбоку печи.

И пока тётя Галя, зайдя в закуток, смотрела на печь снизу вверх, не решаясь встать на лестницу. Я подошёл сзади и, прижавшись к её жопе стоящим колом членом, обнял и стал мять ей груди двумя руками через блузку.

И на этот раз бомжиха не делала попытки меня отогнать от себя. Наоборот, едва я прижался к её жопе эрегированным членом, она сама подала мне задом и потерлась ягодицами о мой хуй.

— Ты двери хорошо закрыл, сынок? Настал мой черед тебя поблагодарить за всё. Хорошо поблагодарить. Пошли обратно в зал. А тут не место! — голос у тёти Гали задрожал, и она, повернувшись ко мне передом, обняла и поцеловала в губы, в засос.

Но поцелуй этот был не долгим. В следующие мгновение она взяла меня за руку и потянула с кухни в зал. А когда мы вошли туда, женщина потянулась к выключателю с твёрдым намерением погасить свет, но я её остановил.

— Тётя Галя. Я хочу с вами при свете. Нам стесняться друг друга нечего. А за нами никто не посмотрит. Тут глухомань. В деревне живут всего несколько старух. Они ночью сюда не пойдут. — решительным голосом сказал я женщине, и она безвольно опустила руки, понимая мою правоту.

В темноте мне не хотелось её ебать. Кайф от секса будет не тот. Да и я хотел с ней поиграть. В игру мамы и сына. Раз она удивительным образом похожа на мою мать, то грех это не использовать.

— Вот так. Теперь никто ничего не увидит, что у нас в доме творится. Да и нет тут никого в округе, чтобы за нами подсмотреть. — сказал я стоящей посреди комнаты бомжихе в одежде моей матери и, подойдя к ней, сделал виноватое лицо.

— Мама Галя. А я двойку сегодня в школе получил. — произнес я, смотря стоявшей передо мной женщине в глаза взглядом нашкодившего ребёнка.

Несколько секунд бомжиха оторопело смотрела на меня, а потом врубилась и моментально сделала злое лицо.

— Ах ты негодник. Опять мать из-за тебя в школу будут вызывать. Мне что делать нечего нотации от учителей выслушать. Сейчас ты у меня получишь ремня. Мигом забудешь мать расстраивать! — бомжиха схватила меня за ворот рубашки и замахнулась рукой, имитируя удар ремня.

А я почувствовал, что эта рослая кобыла, бомжиха Галя, при желании легко может со мной справиться. Женщина была физически сильной, а я выглядел по сравнению с ней сущим шкетом.

— Нет, мама Галя. Ты не будешь меня бить ремнем. А если ударишь. Я все расскажу отцу, как ты с дядей Витей. С нашим соседом со второго этажа целовалась на лестничной площадке. Я видел, как он тебя за сиськи лапал. А ты ему позволяла. — сказал я бомжихе, не особо играя роль школьника.

Я видел перед собой копию своей матери. И мне входить в роль не было нужды.

— Подожди, сынок. Давай присядем. И поговорим. Ты у меня уже взрослый. И должен понимать, что к чему. — лицо у Галины Николаевны вмиг подобрело. Она опустила руку, которой замахивалась, норовя понарошку ударить.

Женщина села на диван и усадила меня рядом с собой.

— Понимаешь, сынок. Так получилось. Я с дня рождения шла домой. А этот сосед стал ко мне приставать. Но ты ничего не говори отцу. Ладно. А я тебе за это деньги буду давать. На сигареты. Ты же уже куришь. А весной куплю мопед. Ни у кого у твоих друзей нет мопедов. А у тебя будет. Только держи язык за зубами. Договорились. — сидящая рядом со мной бомжиха полностью вошла в роль моей матери, и это ей сто процентов удалось из-за ее

схожести с ней.

Да и потом, этого дядю Витю, соседа со второго этажа, я не придумал. Он был на самом деле и лапал на лестничной площадке мою мать Свету.

У нас дома гулянка была. и мать с соседом пошла к нему в квартиру за бокалами для шампанского. Я их случайно увидел. Тогда маленьким был. И подумал, что они просто играли. Так как мать была довольной. Но потом, спустя много лет, понял, чем они занимались. Ведь мама ушла с соседом в его квартиру и долго не возвращалась.

Потом, учась в старших классах, я осознал, что дядя Витя ебал мою мать у себя в квартире. Пока у нас дома шла пьянка. И на их долгое отсутствие никто не обратил внимание.

И я много раз фантазировал на этот случай, занимаясь онанизмом. Представляя, что шантажирую мать, что видел её вместе с соседом. И что все расскажу отцу. А мать умоляет меня не говорить и обещает мне купить велосипед. Я не соглашаюсь и, в конце концов, уламываю её на постель.

— Это само собой, мам. И деньги мне будешь давать. И мопед купишь за мое молчание. Но я тоже хочу твои сиськи в руках подержать и помять. Как дядя Витя. Я уже взрослый у тебя. И мне это необходимо. — сказал я бомжихе те же самые слова, которые наверняка сказал бы матери, если бы вот так остался с ней наедине в деревне.

Сидя рядом с женщиной, похожей на мою мать Свету, я положил ладони ей на груди и с наслаждением стал их мять через блузку, попутно расстегивая пальцами на ней пуговицы. И вот, расстегнув, распахнул у нее на груди блузу и стал уже мять сиськи в чашах чёрного бюстгалтера.

— А ты языком болтать не будешь, сынок? Я боюсь, ты своим друзьям расскажешь. — бомжиха, по прежнему играя роль моей матери, положила ладони на мои руки и, смотря мне в глаза томным взглядом, прижала их к своим грудям.

— Ты же знаешь, мам, что я не болтун. И из меня слово не вытянуть. На этот счёт можешь быть спокойна. — ответил я тётке Гале, аналогично, играя роль её сына школьника, и, смотря ей в глаза, поцеловал в губы.

Она мне ответила, и несколько минут мы с ней страстно сосалась. Вернее больше была активной Галина Николаевна. Так как я совершенно не мог целоваться с женщиной. И это был мой первый поцелуй всасос.

— Помассируй их, сынок. Сделай маме приятно. Я ведь могу тебе доверять? — Тётя Галя завела руки за спину и, расстегнув застёжки, сняла лифчик.

И моему возбужденному взору предстали её голые сиськи, похожие на большие шары с сосками. Которые я тут же принялся сосать, припав к ним ртом.

— Ах, как приятно, сынок. Целуй. Мни их руками. Мама хочет, чтобы ты был смелее. Не бойся. Мы с тобой одни. И я знаю, что ты у меня молчун. Я тебе верю. — говорила тётя Галя, положив свои тёплые материнские ладони мне на голову, прижимая ее к своим грудям, на которых я сосал соски и с наслаждением мял их руками.

Дело шло к развязке и естественно, это долго не могло продолжаться. Сидящая рядом со мной женщина хотела то же самое, что и я, и по этому, оттолкнув мою голову от своих грудей, встала с дивана и сняла с себя юбку и чуть помедлив, стянула чёрные трусы, одетые на ней на пол. Оставив на своих ногах лишь капроновые чулки.

Несколько секунд я сидел на диване и ошалело смотрел на неё. Ведь голую женщину я видел лишь на игральнх картах. А тут она стоит передо мной во всей красе. Причём в

ослепительно привлекательном виде.

У тётки Гали. Тело было соблазнительным. Именно таким, каким я его мечтал увидеть у своей матери, когда дробил на нее, фантазируя.

Красивая на лицо, ярко накрашенная. С седыми волосами, уложенными в шиньон на голове. В чёрных капроновых чулках на ногах, резинки которых впились ей в белые гладкие ляжки. Крупные, не сильно отвислые груди, нежный и сексуальный животик. И внизу живота аккуратно побритый лобок, манящий к себе чёрными точками былых волос. Он был огромным, и я на миг представил себе, какие черные джунгли росли у бомжихи на лобке. Но она их сбрила в целях гигиены. Как и волосы под мышками.

— Ну что же ты, сынок, как не родной. Довёл мамку. А сам не раздеваешься. Давай я тебе помогу. — видя, что я застыл, как истукан, с удивлением смотря на неё, на голую, бомжиха потянула меня с дивана за руку и в темпе раздела, сняв сначала рубашку, а потом стянула брюки вместе с трусами на пол.

— Это что, сынок? Ах ты негодник! Разве можно было такое от родной матери скрывать? Я мучаюсь. Ночами не сплю. У меня низ живота уже начал болеть от хотения. А он отрастил член, словно у жеребца. И молчит. Разве можно так делать, сынок! — удивлённо, без намека на игру, воскликнула тётка Галя, сняв с меня трусы и увидев член у парня, с которым познакомилась на стадионе.

Хуй у меня был действительно большим. В девятнадцать с половиной сантиметров, увенчанный на конце крупной алой головкой, покрытой розовыми пупырышками. И женщине, по возрасту старше моей матери, он жутко понравился. Да так, что она и не скрывала своего восторга.

Она тут же обхватила его рукой и стала поглаживать, одновременно обняв другой свободной рукой меня за шею и целуя в губы взасос. А я, стоя возле неё, взялся двумя руками за пухлые ягодицы жопы тётки Гали и стал их мять. не сильно, легонько. Мне так было по кайфу.

— Постой. Я сяду. А ты постоишь возле меня. Так надо. Пришла пора расплачиваться за твою доброту ко мне. Костя. — Галина Николаевна села на диван, а мне сесть возле себя не дала, удерживая по прежнему рукой за член возле себя.

Несколько секунд она рассматривала его, надавила пальцами на головку, а потом взяла в рот и стала сосать. А я от произошедшего едва преждевременно не спустил ей в рот от неожиданности и небывалых ощущений.

Я слышал во дворе от старших ребят, что есть такие девушки — бляди, которые делают парням минет. Но сейчас у меня сосала член не сопливая девчонка, а вполне зрелая женщина с шиньоном седых волос на голове. И кайф от прикосновения её влажных губ к моей залупе был запредельный.

Я было хотел что-то сказать тётке Гале, но слова застряли у меня в горле. Вместо этого я взялся руками за её голову и держал, смотря, как она ловко заглатывает мою залупу накрашенными яркой помадой губами. И она исчезает у нее во рту и выпирает за щекой.

И невольно повернув голову в сторону, я прямо обомлел. В дверце стоящего у стены шкафа в зеркале я увидел в отражении диван и свою мать Свету, сосущую у меня член. До того тётка Галя была на нее издали похожа. Ей бы светлый парик надеть. Или волосы покрасить. Подумал я. И тут меня осенило.

Моя мать не была яркой блондинкой от природы. Её волосы имели скорее русый цвет, чем белый. И мама Света часто их подкрашивала. У нее в спальне стояли флаконы с краской и

осветители. И если я в понедельник возьму один из флаконов и привезу сюда, в деревню. Галина Николаевна покрасит свои чёрные с проседью волосы и станет блондинкой. И будет больше похожей на мою мать. А вот волосики на пизде у бомжихи будут чёрные. И она будет сексуально смотреться. Блондинка с черным заросшим лобком.

— Ыыыы. Ааааа. Ааааа. — с мыслями об окраске тёти Галиных волос на голове я кончил ей в рот, по прежнему удерживая голову сосущей у меня член женщины руками.

— Ну как, сынок. Понравилась моя оплата за твою доброту ко мне? Я могу так каждый день тебе делать. Без проблем. Мне это нравится. Особенно пить сперму. — бомжиха легко проглотила мою сперму и даже сделала движение губами, удерживая во рту уже вялый член, словно пытаюсь высосать из него ещё капли молодой спущенки.

И женщина выпустила мой член из своего рта. Лишь тогда, когда в моих яйцах не осталось больше спермы.

— Ступай на кухню и принеси вина, паренёк. Я хочу вина с тобой выпить. И пепельницу не забудь. Я тут покурю. — тётя Галя легонько хлопнула меня ладошкой по жопе, и я помчался на кухню выполнять желание женщины своей мечты.

То, что эта бомжиха, встреченная мной на стадионе, будет той женщиной из моих фантазий. Я не сомневался, как только ее увидел. А теперь, после минета. Она стала смыслом моей жизни. Я не знал до неё женщин. И не хотел никого, кроме тёти Гали. Даже свою мать Свету.

— Я не заразная, сынок. Со мной можно и без твоих презервативов. Зря только деньги потратил. Я было хотела тебя в аптеке остановить от их покупки. Ну да ладно. Сегодня с ними попробуешь. А завтра я тебе покажу, как без них со мной обходится. — сказала мне Галина Николаевна, увидев в моих руках не только бутылку с вином и пепельницу, но и упаковку импортных презервативов, которые я достал из рюкзака.

Сама женщина сидела на диване и курила сигарету, стряхивая пепел в пустую пачку. А я, зайдя в зал с кухни, вновь потерял дар речи, увидев ее голую на диване.

Зрелая самка за сорок лет, с седыми волосами на голове, уложенными в шиньон. С красивым, но строгим лицом, как у директрисы школы. Ярko и со вкусом накрашенная, сидела голая на диване в чёрных капроновых чулках на ногах, широко раздвинув ноги, бесстыдно открыв промежность и выставив на обозрение всё, что у нее там находилось.

Я видел саму прорезь. И половые губы. А также обширные чёрные точки на лобке, остатки от сбритых волос.

— Она сейчас некрасивая у меня, сынок. Я ее побрила. Жди, когда волосики на лобке отрастут. Тогда смотри на нее, сколько твоей душе угодно. А сейчас мне стыдно, что она такая. Налей лучше мне выпить. И себе тоже. — увидев, что я плююсь на её лобок и промежность, сидящая на диване бомжиха сдвинула ноги вместе, а низ живота стыдливо прикрыла ладошкой.

Хотя меня она не стеснялась. Просто играла со мной.

— Ваша писька мне и бритой нравится, тётя Галя. Но только вы её больше не брейте. Лучше, когда на ней волоски растут. — ответил я женщине, наливая в стаканы вино из бутылки, сам думая о другом.

В понедельник я привезу светлую краску для волос. И бомжиха станет блондинкой. А пизда у нее останется чёрной. И ебать эту бывшую москвичку станет намного приятнее, видя ее светлую голову и темный лобок.

— За нашу встречу, сынок. Если бы не ты. Я бы сегодня обратно на лавочке возле автовокзала

ночевала. А на улице холод собачий. — произнесла бомжиха, смотря на меня преданным взглядом.

— Это судьба, Галина Николаевна. Я мог не пойти через стадион в школу. Есть другая дорога по асфальту. Но я пошёл через овраг и встретил вас. А значит, нам суждено быть вместе. И не важно, что вы значительно старше меня. Мне с вами хорошо. И я не хочу никого, кроме тебя, Галя. — искренне ответил я женщине, стоя перед ней со стаканом вина в руке и со стоящим колом членом.

Он у меня Вновь поднялся. Да и как ему не подняться, когда передо мной стоит голая зрелая самка с крупными сисярами и бритым чёрным лобком, вдобавок как две капли воды похожая на мою мать.

— Ты мне тоже очень и очень нравишься, Костя. И я хочу быть для тебя и мамой. И любовницей в одном лице. Мне хорошо с тобой, сынок. Очень хорошо. А сейчас давай выпьем за то, чтобы у нас все было нормально. И продолжим наше близкое общение. — Галина Николаевна взялась рукой за мой член и, поглаживая его, не сводя с меня любящих глаз, выпила вино, а после потянулась ко мне с поцелуем вместо закуски.

Да и мне было не до этого. Лучше любой еды после вина. Это нежные женские губы.

— Сейчас ты меня по настоящему попробуешь, сынок. То, что я делала тебе. Это не полноценный половой акт. Женщину нужно членом удовлетворять. И я тебе это покажу. — прошедшая Крым и Рым бомжиха догадалась, что я девственник и взяла инициативу по моему обучению в свои нежные женские руки.

Она сама надела презерватив мне на член, ловко раскатав его по стволу пальчиками, и потянула за руку к дивану.

— У меня всё сзади, сынок, находится. Со мной удобнее сзади. А спереди лёжа, традиционно не очень. Становись позади на колени. Я подскажу тебе, что делать. — пояснила Галина Николаевна, тем самым подтвердив мои предположения, что она «сиповка» с задним расположением влагалища.

Я это понял по ее походке. А ходила она точно так же, как и моя мать Света. Слегка наклонив туловище вперёд и отключив назад жопу. И выходит, был прав фиксатый Толик. Моя мать была стопроцентной сиповкой. И встреченная мной бомжиха тоже оказалась из их числа. Но я не знал, хорошо это или плохо?

— Все хорошо, милый. Давай я тебе помогу. Вот так. Сюда надо. А теперь надави и двигайся во мне. — тётя Галя, встав на диване на четвереньках, нагнув голову в подушку и оттопырив белую, как молоко, жопу кверху, подождала, пока я по ее указанию встану позади на коленях.

Сама рукой направила мой член по назначению, а именно во влагалище, которое у женщины соседствовало с задним проходом. И, не дожидаясь от меня активных действий, сама подала назад задом и насадилась на мой хуй влагалищем до яиц.

Я замер на несколько секунд, испытывая небывалые ощущения, чувствуя головкой члена, как его обжимают со всех сторон влажные и горячие стенки влагалища. А потом задвигался. Стал сношать безумно красивую бомжиху. Женщину, о которой и мечтать не мог. И она отблагодарила меня сладостными стонами.

— Аааа. Да, сынок. Вот хорошо, Костя. Молодец. Аааа. Аааа! — стоя на четвереньках, тётя Галя застонала и повернула голову ко мне. И в глазах зрелой женщины светилась бесконечная благодарность ко мне.

Ведь молодой парень не только приютил её, накормил и напоил. Но вдобавок ещё и ебёт. Доставляет ей удовольствие, натирая стенки влагалища своим большим членом.

Как и в случае с минетом. Я вновь повернул голову в сторону бельевого шкафа и увидел в отражении зеркала стоящую раком на диване взрослую женщину с шиньоном седых волос на голове. И себя позади неё. с искаженным от сладости лицом.

Нет, точно. В понедельник я возьму у матери краску для волос и привезу с собой в деревню. Пусть Галя покрасит волосы и станет блондинкой. И мне будет по кайфу её ебать. Ведь она будет больше похожа в таком виде на мою мать Свету. А ей я бы не отказался засадить. Но твёрдо знал, что это невозможно. И по этому решил отыграться на другой женщине, очень на неё похожей.

И уже кончая, удерживая тётю Галя руками за бёдра. Я вдруг ясно увидел у неё на пояснице родимое пятно. Оно было небольшим, овальной формы, размером с пятиконечную монету. И точно такое же пятно имелось на пояснице у моей матери. Я видел у нее это пятно на пояснице, когда учился в младших классах. Мать тогда не стеснялась меня, маленького, и ходила по квартире в нижнем белье. И мне почему-то запомнилось именно это пятнышко у неё на теле.

Учитывая схожесть тёти Гали с моей мамой Светой и наличие у нее такого же родимого пятна на пояснице. Можно было предположить, что они родственники. Но мать говорила нам с отцом, что у нее нет родных. Она была приезжей, откуда-то с Юга. Отец познакомился с ней на танцах. И вскоре они поженились.

Да и представить себе, что у моей мамы есть сестра бомжиха, было бы сродни фантастики. Откуда ей взяться, если, по словам моей матери, вся родня у неё давно умерла.

— Все хорошо, сынок. Ты молодец. И мне удовольствие доставил. И себе. С этого дня я твоя. Можешь пользоваться моим телом. Ласкать меня. Любить. Я тебе никогда не откажу. И многому ещё научу. А теперь давай ляжем. У меня глаза закрываются. — тётя Галя сняла с моего члена использованный презерватив и заботливо вытерла сам член и головку найденной в шкафу чистым полотенцем.

Им же женщина вытерла свою промежность и повесила полотенце на спинку стула. Затем она сняла с ног, ставшими уже не нужными, чулки, положив их аналогично на стул. Мы выпили с ней вина по полстакана и, держась за руки, голые зашли в закуток за печкой, где стояла двуспальная деревянная кровать.

— Это что, перина! Слышать слышала. Но ни разу на ней не спала. Как в пух проваливаешься! — удивлённо воскликнула тётя Галя, когда я откинул одеяло с кровати, и она первая легла на нее к стенке, на которой висел гобелен с оленями на водопое.

— Она самая, Галина Николаевна. Я сам на ней ни разу не спал. И сегодня в первый раз с вами лег. — ответил я женщине, ложась к ней под одеяло и прижавшись к её горячему телу, замер в блаженстве.

До чего приятно молодому парню вроде меня, обнимать, лежа под одеялом в темноте, женщину старше его матери и удивительным образом похожую на неё.

— Костя. Ущипни меня, пожалуйста. Я не верю, что это со мной происходит. Как в сказке. Я просто не могу поверить, что моим мучениям пришел конец. — попросила меня тётя Галя и заплакала.

Слезы капали из глаз женщины, лежащей голой со мной на кровати под одеялом. А я, как мог, её успокаивал, прижимаясь опавшим членом к ее бритому лобку.

— Не нужно слез, Галина Николаевна. Вы тоже ущипните меня. Потому что я тоже не верю, что все это происходит со мной в реале. Вы такая красивая. Я и мечтать не мог о такой женщине, как ты, Галя. Галечка. Любимая. — в ответ сказал я женщине и принялся ее целовать, слизывая со щёк слезинки.

А про себя подумал. Что встретить я ее на улице в Москве, когда эта Галя ещё не была бомжихой и работала врачом у себя в больнице. Она бы и внимание не обратила на меня. И только сейчас, став бездомной, эта роскошная зрелая самка была полностью в моей власти. И я мог ебать ее, сколько мне потребуется и куда захочу. Она мне не откажет из-за страха вновь оказаться на улице.

— Значит, мы с тобой повязаны судьбой, сынок. Я нравлюсь тебе. Ты очень нравишься мне. А сейчас извини, я повернусь на другой бок. Не могу на этом боку спать. Обними меня крепко, крепко, Костя. Я хочу заснуть в твоих объятиях, милый. — тётя Галя прижалась ко мне всем телом, а потом повернулась на бок к стене.

Я обнял ее, как она просила. Положив руку женщине на животик, нежный и сексуальный. И прижимаясь начинающим вставать членом к её мягкой податливой жопе, я подумал, что ради вот таких мгновений и стоит жить на свете. Лежать под тёплым одеялом, обнимать любимую женщину за животик и чувствовать, как твой конец касается её ягодиц.

Прислано: Костя